

Внезапный поворот событий застал Цинь Цзычу врасплох.

Обсуждая с Чжан Ли обратный путь в Царство Цинь, они сошлись на том, что самым простым и быстрым маршрутом будет проехать через Царство Вэй, подняться вверх по течению Хуанхэ, пересечь крошечные владения Сына Неба династии Чжоу и так добраться до Сяньяна.

Но теперь, когда они с таким трудом ступили на земли Царства Вэй и даже не успели завидеть берега Хуанхэ, их бесцеремонно выставляли вон?

— Погодите, — не дав красавцу уехать, Цзычу сделал несколько быстрых шагов вперед и преградил дорогу его коню.

Всадник недовольно изогнул бровь и свысока спросил:

— И что же ты хочешь сказать?

Цзычу поднял голову, встретившись с ним взглядом, и упрямо произнес:

— У меня нет никакого желания задерживаться в Царстве Вэй. Мне нужно лишь переправиться через реку, чтобы продолжить странствие. Так что подчиниться вашему приказу я не могу.

Красавец презрительно фыркнул, однако напряжение на его лице заметно спало. Он капризно скривил губы, сменяя гнев на милость, и снисходительно бросил:

— К Сыну Неба династии Чжоу? Смешно называть так правителя, у которого земель осталось всего-то на несколько уездов. Какое высокомерие! Раз уж тебе туда надо — проваливай живее, и чтобы духу твоего в Царстве Вэй не было. Терпеть не могу смазливые лица. Попадешься мне на глаза еще раз — пеняй на себя.

Поскольку цель была достигнута, Цзычу не стал искушать судьбу. Он вежливо поклонился:

— Благодарю.

После этого он повернулся, запрыгнул обратно в повозку и задернул плотную занавеску, скрываясь от цепкого взгляда всадника.

Чжан Ли посмотрел на Цзычу, покачал головой и с легкой усмешкой заметил:

— Молодой господин, если я не ошибаюсь, этот высокомерный господин — не кто иной, как любимец вэйского вана, пользующийся его безграничным доверием.

Цзычу подумал, что у этого всадника явно не все дома. Привлекательность — это дар небес и родителей. Те, кого природа наделила красивой внешностью, обычно гордятся этим. К тому же они виделись впервые, и этот чужак прицепился к нему исключительно из-за красивого лица. Если он и впрямь так сильно ненавидит красивых людей, то зачем сам вырядился как павлин? Изуродовал бы лицо парой шрамов — и дело с концом. Обыкновенная зависть: просто не выносит, когда кто-то выглядит лучше него.

Мелочный поступок, но по крайней мере честный в своем убожестве. Цзычу не испытывал к нему ненависти, хотя и уважать подобное не стал бы.

Покачивая головой, Цзычу с досадой проворчал:

— Если правитель Вэй приближает к себе подобных людей, то его царство обречено на упадок.

Видя, что Цзычу не уловил скрытого смысла, Чжан Ли рассмеялся.

— Вы не совсем меня поняли, молодой господин, — сквозь смех проговорил он. — Под «близким человеком» я имел в виду фаворита для плотских утех. Ван не может ввести его в свой гарем, поэтому, наплевав на недовольство придворных, пожаловал ему титул. Это же знаменитый господин Лунъян. Однако не спешите презирать его из-за этого сомнительного положения. Лунъян-цзюнь действительно умен: он превосходный мечник, прекрасно чувствует перемену политических ветров, красноречив и уже не раз успешно выполнял сложные дипломатические поручения вэйского вана. Недюжинный талант. Жаль только, что его имя навсегда связали с альковными тайнами государя.

Имя «Лунъян-цзюнь» заставило Цзычу вздрогнуть.

В его представлении это имя давно стало нарицательным, синонимом мужской проституции и фаворитизма. Для любого человека, независимо от пола, прокладывать себе путь в постели покровителя — несмываемое пятно на репутации. Цзычу никак не ожидал, что Чжан Ли отзовется о нем с таким уважением и даже с оттенком сожаления.

Он не удержался от вопроса:

— Похоже, вы высоко цените господина Лунъяна, учитель?

Постукивая пальцами по колену, Чжан Ли после недолгого раздумья ответил:

— Его способности неоспоримы. Вэйский ван теперь ни в делах государства, ни в личной жизни не может без него обойтись, они неразлучны. Но Лунъян — мужчина. Он не может родить вану наследника. Пройдет лет десять, правитель отойдет в мир иной, и тогда участь его фаворита окажется незавидной, если не сказать трагической.

Цзычу это не удивило — участь наложников и фаворитов во все времена была незавидной. Его поразило другое:

— Неужели царица Вэй даже не попыталась урезонить своего супруга? Как она терпит этот позор, о котором судачит вся Поднебесная?

Чжан Ли лишь равнодушно пожал плечами:

— Слово правителя — закон. Советники могут предостерегать, но если государь упрямится, никто не в силах его остановить.

Цзычу тихо вздохнул.

Он задумчиво посмотрел на лежащего у него на коленях маленького Ин Чжэна.

"И то верно. Настоящего правителя ничто не удержит"

Иначе как его ненаглядный будущий император, этот гений с навязчивой идеей великого объединения, умудрился под конец жизни впасть в такое безумие? Зачем ему сдались мифические острова бессмертных? Зачем он доверился шарлатану Сюй Фу, снарядив его золотом, серебром и сотнями невинных юношей и девушек на поиски какого-то нелепого эликсира жизни?

Вера в сказки про культиваторов — это тяжелый недуг!

"Мой грозный владыка, в этой жизни я расшибусь в лепешку, но вылечу тебя от этой заразы!"

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Ин Чжэн открыл глаза. Во взоре отца читалась целая гамма чувств, но преобладало там странное выражение — смесь бесконечной нежности и горького упрека, словно Цзычу немо спрашивал его: «Ну почему ты у меня такой несносный и упрямый?»

У младенца по спине пробежал холодок. О чем опять грезит этот человек?

"Мысли моего отца — величайшая загадка, которую мне, увы, никогда не разгадать"

Пока Ин Чжэн предавался размышлениям, Цзычу обратился к Чжан Ли:

— Учитель, раз уж вы считаете господина Лунъяна способным человеком, то когда мы в будущем сокрушим Царство Вэй, можно будет испытать его и дать подходящую службу. С одним условием: его сослуживцы не должны иметь слабости к мужской красоте.

Чжан Ли удивленно воззрился на него.

Не дав ему вставить ни слова, Цзычу продолжил:

— Кого предпочитает господин Лунъян — мужчин или женщин — для дела неважно. На мой взгляд, любовь вообще не знает преград. Главное, чтобы избранник был по сердцу, а пол, возраст и происхождение — сущие пустяки. Беда в другом: Лунъян получил свой титул и власть лишь благодаря монаршей благосклонности в постели. Дурной пример заразителен. Представляю, сколько бездельников в Царстве Вэй теперь пытаются пролезть наверх через постель или родственные связи. В нашей Великой Цинь подобной скверны быть не должно. Хочешь чинов и богатства — доказывай свою полезность делом.

Чжан Ли на мгновение опешил, а затем негромко рассмеялся:

— Суждения молодого господина благородны. Однако исстари ведется: выдвигая мужей на службу, не смотрят, друг это или враг, если они способны. Неужели вы хотите полностью отказаться от системы рекомендаций?

— Воины Великой Цинь проливают кровь на полях сражений ради каждого вершка земли и каждого звания. Почему же для книжников должны быть другие правила? — без колебаний ответил Цзычу. — Если у человека действительно есть выдающиеся способности, пусть докажет это делом: пишет труды, создает учения, основывает школы и просвещает народ.

Цзычу перевел дух. Его сложный, многозначительный взгляд вновь сфокусировался на маленьком Ин Чжэне. Глядя сыну прямо в глаза, он понизил голос:

— Наше царство опирается на Школу Легизма, но я никогда не верил в пользу политики невежества. Сколько ни вешай народу лапшу на уши, люди не дураки. По-настоящему верны они лишь тому правителю, при котором сыты и одеты. К тому же в учениях других философских школ есть немало крупиц мудрости. Все они возникли не на пустом месте. Нет вредных теорий — есть лишь подлецы, искажающие их суть ради собственной выгоды.

Ин Чжэн и не подозревал, что отец сейчас безжалостно критикует его будущие указы. А Цзычу, войдя во вкус и решив, что терять ему уже нечего, вовсю изливал душу:

— К примеру, собрать все книги в государстве и предать их огню в надежде, что люди перестанут думать и учиться, — несусветная глупость. Бессмысленная и недальновидная.

Чжан Ли, не догадываясь, что эти слова адресованы младенцу, удивленно вскинул брови:

— Вот как?

Только тут Цзычу сообразил, что сболтнул лишнего.

Он поспешно отвел взгляд от внимательных глаз сына, густо покраснел и, пытаясь сгладить неловкость, забормотал, обращаясь к Чжан Ли:

— Прошу прощения, это лишь мои незрелые, вздорные мысли.

— Вы можете говорить со мной откровенно, молодой господин. К чему эта внезапная скромность? — мягко улыбнулся Чжан Ли. Смущение юноши показалось ему весьма трогательным.

Справившись с неловкостью, Цзычу вернул себе самообладание.

Он откашлялся и заговорил ровным, уверенным тоном:

— Каменные стелы. Нужно высечь на них канонические тексты всех философских школ и установить эти плиты прямо перед воротами Сяньянского дворца. Пусть любой желающий приходит, изучает и развивает эти учения. Даже мудрецы не застрахованы от жажды признания, просто их тщеславие иного рода. Последователи любого учения спят и видят, как их идеи ложатся в основу государственной политики. Государю нет нужды возвеличивать кого-то одного. Достаточно лишь слегка проявить благосклонность, и философы сами из кожи вон вылезут, соперничая друг с другом и доказывая свою пользу. Книжников в Поднебесной немного, но именно они формируют умонастроения общества. Направив их рвение в нужное русло, мы избавимся от любых забот.

Чжан Ли изумленно покачал головой:

— Поразительно. Не ожидал встретить в столь юном муже такую глубину ума и ясность суждений.

На этот раз похвала заставила Цзычу устыдиться не на шутку.

Все эти выводы принадлежали не ему, а были результатом многовекового анализа историков и философов будущего.

Великий император Цинь Шихуанди за всю свою блестящую жизнь совершил лишь две непоправимые глупости: сжег книги вместе с учеными мужами и поддался безумной жажде бессмертия, которая в итоге и свела его в могилу во время очередного странствия. Не будь этих роковых ошибок, могучая армия Цинь легко подавила бы любые восстания, а у Ин Чжэна хватило бы времени исправить внутренние перекосы в управлении страной.

Впрочем, Цзычу сильно сомневался, что будущий деспот вообще умел признавать свои ошибки. Великие люди слишком горды для этого.

"Постойте... Неужели мой сын вырастет упрямым, капризным самодуром?! О небеса, только не

это! Где мой идеальный, величественный кумир? Почему стоит мне дать волю воображению, как будущее начинает казаться сущим кошмаром? Нет-нет, спокойно. Не надо паниковать. Он обязательно станет великим правителем, сокрушившим врагов и объединившим земли. Хватит пугать самого себя"

Кое-как успокоив разыгравшиеся нервы, Цзычу все же ощущал тревожный стук сердца. Он бережно приподнял маленького Ин Чжэна и нежно поцеловал его в пухлую щечку.

Глядя на затихшего младенца, он наконец почувствовал, как тревога отступает. Теплая, мягкая улыбка коснулась его губ. Цзычу осторожно потыкал пальцем в круглую щеку сына и заговорщически прошептал:

— Дай слово, что никогда не станешь жечь книги, хорошо? Знания — это самое ценное, что у нас есть.

Младенческое тело жило своей жизнью. Не в силах совладать с незрелыми мышцами лица, маленький Ин Чжэн пустил слюну. Прозрачная капля потянулась тонкой серебристой нитью от уголка его рта к шее, оставляя мокрый след, а за ней уже спешила следующая.

Тело будущего владыки одеревенело от негодования. На крошечном личике проступила неподдельная ярость.

Но что он мог сделать? Лишь беспомощно сучить пухлыми ножками и ручками, пытаясь пнуть обнаглевшего родителя крохотной пяткой прямо в лицо.

— Ну-ну, А-Чжэн, не сердись, — примиряюще рассмеялся Цзычу, уворачиваясь от удара крошечной ножки. Гнев будущего императора казался ему невыразимо милым. Достав мягкий платок, он бережно вытер личико и шею малыша. — Подумаешь, капля слюны! Откуда столько злости? Я на тебя каждый день слюни пускаю от умиления, так что мы квиты.

Цзычу перевернул младенца на живот, устроил его на своих коленях и, придерживая рукой за пухлые ягодицы, в порыве чувств несильно, любя шлепнул его по мягкому месту. После чего с легким сердцем выдохнул.

Наблюдавший за ними Чжан Ли тепло улыбнулся:

— Молодой господин, вы так нежны с сыном. Сразу видно, как сильно вы любите детей.

Цзычу, даже не заметив, что выдал себя с головой, без малейших колебаний ответил:

— Мне вполне достаточно одного А-Чжэна.

<http://bllate.org/book/18277/1750296>